

Александр Анненский
ФАНЕРА НАД ПАРИЖЕМ
ЭПИЗОДЫ

Александр Анненский

Фанера над Парижем. Эпизоды

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609875
Фанера над Парижем. Эпизоды.: Германия; 2011
ISBN 978-3-941953-26-0*

Аннотация

Известный российский кинодраматург, бывший главный редактор одной из крупнейших российских телекомпаний «Останкино» в своей автобиографической книге искренне и иронично рассказывает об удивительном калейдоскопе встреч с людьми, фамилии которых на слуху у каждого, приоткрывая для читателя закулисы мира отечественного кино и телевидения, делится уникальными впечатлениями от разных стран мира, куда заносила его судьба.

Содержание

Середина 90-х, Испания, побережье Малграт де Мар	4
Шестидесятые годы, Москва	11
Конец шестидесятых, Украина	28
Семидесятые, Москва, район ВДНХ и другие	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Анненский

Фанера над Парижем. Эпизоды

**Середина 90-х, Испания,
побережье Малграт де Мар**

Надо было сделать усилие и открыть глаза. Сказать, что Алексу не хотелось этого делать, значило бы не сказать ничего. Хотя сыроватый еще после ночи крупный песок пляжа и заставлял время от времени инстинктивно менять положение, чтобы не простудиться, глаза при этом все равно оставались закрытыми, давая возможность пребывать в волшебном промежутке между явью и сном, выбираться из которого не имело никакого смысла. Спокойный размеренный шелест волн позволял представлять себе все, что было угодно, никак не лимитируя фантазию, а только что появившийся за морем красный кружок пиццы-солнца начинал уже несильно греть кожу, отчего томящая полудрема ощущалась еще больше.

В эти утренние часы длинный пляж, которым оканчивалась череда разновысоких отелей, был еще пуст, если не считать нескольких грязноватых чаек, роящихся в спутанных

пучках выброшенных морем водорослей, да двух работят в желтых комбинезонах, лениво утешающих на минитракторе прибрежную полосу, делая вид, что очищают ее от накопившегося за вчерашний день мелкого хлама. Чайки пытались обогнать негромко урчащий трактор, забегая прямо перед его ковшиком, чтобы успеть подхватить потревоженные водоросли первыми, и одному из рабочих пришлось в конце концов спуститься с подножки и идти рядом, отчаянно махая на птиц пустыми пакетами для мусора, для убедительности снабжая и без того выразительные жесты крепкими испанскими словечками. Любопытно было бы узнать, насколько они совпадают с русскими аналогами, произносимыми в таком случае, но это было нереально – никого, кто бы мог адекватно перевести Алексу испанский мат, поблизости, естественно, не было. Птицы же, будучи местными, наверняка понимали адресованные им пожелания, но предпочитали этого не афишировать.

Вставать с песочного лежбища, уютно продавленного его сотней килограммов через велюровое пляжное полотенце, надо было так или иначе – скоро в его отеле начиналась процедура завтрака. Что он возьмет сегодня с более менее приличного для трехзвездочного отеля шведского стола – конечно, все, что вредно, – масло, нет, даже два двадцатиграммовых брикетика, ветчину, слегка резиновую, но, в общем, съедобную, сыр, омлет или сосиски... сосиски или омлет... нет, пожалуй, просто яйцо, помидорину, рыбу – если будет, ко-

нечно, что вряд ли. Выбор тут был, разумеется, далек от, например, внезвездного Steigenberger в Дюссельдорфе, где он жил как-то, сопровождая хамоватого татарина-нефтяника с его семейством – женой и парой дочерей. Ага, точно, тот попросил еще устроить девчонкам посещение вечером какой – то модной полузакрытой дискотеки, а на следующий день те пожаловались папе, что их так и не пустили... Кто же был виноват, что блядовитость обеих так и светилась на размалеванных физиономиях. А Алекс-то, как идиот, ходил туда днем объяснять, что вечером сюда пожалуют дочери настоящего миллионера из России... Вспомнилось, как тот поц, видимо, неожиданно для себя самого в результате приватизации оказавшийся владельцем какой-то татарской скважины, при которой раньше просто служил наемным директором, величественно отпускал его, Алекса, мановением руки, как личного шофера – «на сегодня свободен...». Самодовольный говнюк. Мысли путались, и все время хотелось опять уснуть.

Чьи-то шаги по песку пустого пляжа, не сами шаги, а звук постукивающих о босые пятки сандалий, все же заставил Алекса, потянувшись, открыть глаза. Ветерок с моря, лаская физиономию, уже предвещал очередной, не по-осеннему теплый день и надо было заканчивать валять дурака. Почему, впрочем, было надо – и кому? Ему – так нет, он, собственно, и оказался тут в не сезон для того, чтобы хоть временно избавиться от преследующего всю жизнь гнусного слова – надо... Что собственно надо ему – идти завтракать?

А если не идти – что изменится? Через час захочется есть – ну и что, он пойдет на набережную и купит себе эти вкусные кусочки маринованного мяса на деревянных шпажках – пинчос и дешевое – по сравнению с Германией – виски в магазинчике рядом с его отелем. и все опять станет спокойно и хорошо. хорошо и спокойно... Недорогое виски имеет способность быстро нивелировать любые проблемы. Никто не знает, что он сейчас в Испании, главное – не знает жена, а его хэнди выключен... Пусть поищет... Только ведь она не станет, наверное... Боже мой, когда-то же это кончится, когда-то все это обязательно должно кончиться. Если бы еще точно определить для себя – хочет ли он на самом деле, чтобы все это так и случилось?.. Или это так, обычное словоблудие. Если бы это было возможно, жизнь была бы другой, была бы совсем другой...

Высокий высохший старик шел медленно, с остановками, и Алекс не сразу даже понял почему. Лишь приподнявшись на локте и приглядевшись, он сообразил, что у того поверх рваной майки и шортов с бахромой змеится провод, раздваивающийся под подбородком на два обшарпанных наушника, комично удерживающихся на спутанных, давно нечесанных волосах. Другой конец провода уходил в длинную металлическую палку с коробочкой и полым кольцом на конце, которой старик тяжело водил перед собою из стороны в сторону, задевая песок. На плече висела грязноватая холщевая сумка с изображением головы Христа. Из-под одного из треснув-

ших наушников, кое-как замотанного изолентой, можно было расслышать высокий ноющий звук, меняющийся в зависимости от положения кольца над песком. Было очевидно, что это допотопный металлоискатель, и его владелец внимательно вслушивается в возникающую полифонию тонов.

Старик поднял на Алекса глаза и постарался улыбнуться. На натянутой, задубевшей от морской соли и солнца смуглой коже проступила паутина глубоких морщин. Люди на юге становятся к старости матрицей прожитой жизни. Сейчас он поздоровается, последовательно переходя с одного языка на другой, ожидая реакции, присядет рядом и начнет говорить... А потом что-нибудь попросит... Для начала, возможно, протянет руку и назовет свое имя и придется руку эту пожать...

Когда-то, в другие времена, они с женой были в турпоездке в ГДР, и пожилая немка-гид по ошибке вместо очередного замка завезла их в другой, похожий, в котором, как выяснилось, теперь располагалась психушка. Когда не сразу сообразив, куда, собственно, они попали, и кто эти люди, чинно гуляющие в пижамах по аллеям неухоженного парка, «гидша», спохватившись, судорожно начала созывать разбежавшуюся по парку тургруппу в автобус, было уже поздно. Группа пациентов с разной степенью дебилизма в глазах собралась у дверей автобуса с иностранцами и преданно потянулась к редким гостям прощаться. Чтобы войти в автобус, нужно было пройти через строй вежливо улыбающихся лю-

дей в пижамах и каждому непременно пожать руку, откликаясь на вежливое немецкое «ч-у-у-с», что значило – «пока». Альтернативы не было – можно было, конечно, рискнуть и попытаться прорваться к двери, прижав руки и не оставиваясь, но это вполне могло вызвать адекватную реакцию со стороны вежливых хозяев территории. Стало немного страшно. Из их тургруппы поступить таким образом не рискнул никто – все, сцепив зубы, пожимали влажные ладони психически больных, стараясь максимально сократить по времени эту процедуру и мыча в ответ этот самый непонятный тогда «ч-у-у-с», ставший, спустя годы, таким привычным в их семье.

Но мысленно уже набросанный Алексом порядок развития событий сейчас неожиданно оказался нарушен – сделав очередное раскачивающееся движение, старик чуть вздрогнул от резкого изменения тона в наушниках. Даже Алексу через треснувший наушник было слышно, как прибор вдруг буквально запел на высокой ноте. Старик еще раз медленно повел металлический штырь из стороны в сторону, локализуя место, над которым сигнал был самым сильным, и замер. Потом поднял глаза и посмотрел куда-то назад, на единственный поблизости четырехзвездочный отель, перевел взгляд прямо на Алекса, словно ожидая реакции этого толстого иностранца на поведение своего обшарпанного детектора. Рабочие на своем уборщике успели уехать далеко вперед, и сейчас на всем ближайшем пространстве утренне-

го пляжа они были одни.

Алекс тяжело приподнялся и встал; заныла поясница – час на влажном песке, холод которого легко проникал через полотенце, явно не улучшил ее состояния. Старик, уже не обращающий на него внимания, осторожно положил металлический штырь с кольцом, стянув с головы наушники, присел на корточки. Покопавшись в холщевой сумке, он извлек какое-то металлическое устройство, напоминающее маленький лоток с дырками, и подцепив им верхний влажный слой песка, стал медленно просеивать его, разминая плохо гнущимися пальцами падающие комочки.

Шестидесятые годы, Москва

Пытаясь вспомнить то время, очень быстро понимаешь, что целостной картины детства, школы, сейчас в голове уже не осталось. Так, отдельные вспышки, словно выхваченные мощным кинематографическим ДИГом из пелены, куда ушло уж совсем давнее прошлое. Впрочем, если суммировать, то кусочки эти все равно складываются в некую общую мозаику, дающую представление о том, как все это было тогда. Мы уже жили в многоэтажном доме на Профсоюзной, считавшейся главной магистралью знаменитого на всю страну столичного района Черемушки. Прямо под окнами располагался автобусный круг, с которого отправлялись по району рейсовые автобусы – смешные сегодня коробочки с узкими окошками. Выходя из плохо покрашенного подъезда, в котором на первом этаже то и дело хлопала тяжелая серая дверь лифта, можно было свернуть налево, в большую арку и тогда оказаться сразу на широкой улице, прямо у аптеки. Рядом был еще мебельный магазин, в который люди заходили, главным образом, чтобы повздыхать – даже немногие деревянные уродцы, выставленные тут в качестве образцов, приобрести сразу было нельзя – надо было выстоять долгую очередь у себя на работе и дожидаться желанной открытки, на что подчас уходили годы. Пятачок перед деревянной дверью небольшой аптеки часто становился местом для милых забав

ребят из нашего большого двора. Собственно, круглый год вариант был один и назывался он «гуманок», но в деталях, в зависимости от дня недели, можно было проявить фантазию. Главным было добыть в очередной раз где-нибудь пусть потертый, но все же не утративший своих родовых признаков пустой кошелек или портмоне. Как правило, кто-то утягивал столь необходимый предмет из дома, приобретая, таким образом, право на лидирующую на сегодня роль. Затем предстояло, как сказали бы в наши дни, промониторить окрестные газоны и двор в поисках основного составляющего действия – свежих собачьих экскрементов... Их следовало палочкой затолкать в кошелек таким образом, чтобы его очевидная припухлость будила в обнаруживших находку радужные надежды. Дальше, в зависимости от погоды и наличия времени, ситуация могла развиваться по двум направлениям, доставлявшим, впрочем, всем принимавшим участие в очередном психологическом эксперименте местным пацанам равное моральное удовлетворение. Можно было сразу незаметно уронить кошелек рядом с аптечной дверью, то и дело пропускавшей на улицу покупателей, и просто затаиться на газоне за ближайшими деревьями. В этом варианте оставалось ждать совсем недолго, наблюдая, кому из прохожих повезет первому... Наткнувшийся на ценную находку, оглядываясь, тот осторожно поднимал с асфальта найденное сокровище и, прикрывая спиной его от других прохожих, торопливо запускать туда пальцы, желая побыстрее узнать степень своего

сегодняшнего везения. Медленно меняющееся выражение его лица служило потом поводом для обсуждения минимум пару дней. Второй, более технически изощренный вариант, состоял в том, что к плотно набитому кошельку привязывалась тонкая, почти незаметная нитка, позволяющая одному из команды в самый последний момент, слегка дернув, увести предмет вожделения у прохожего из под самого его носа. Не сразу сообразив, в чем дело, он удивленно оглядывался, а потом, пытаясь не обратить на себя внимание окружающих, начинал незаметно ловить прыгающий кошелек ногой, что продлеvalo нам удовольствие. Когда же после двух или трех неудачных попыток ему это удавалось, он с удовлетворением брал его в руки, предвкушая всю ценность победы над силами природы, и открывал – организаторы акции испытывали особое удовольствие от издаваемых им на всю улицу матерных криков восторга. Потом надо было выждать минут десять, пока на отброшенный кошелек не обращала внимание новая жертва.

Еще одним развлечением, позволяющим скрасить после-школьное время, были игры в расшибалочку и догонялочку, привлекавшие в одинаковой степени как мальчишек из «приличных» семей, вроде меня, так и дворовое хулиганье. Суть первой заключалась в попытке перевернуть одну из лежащих на асфальте монет, попав по ее ребру другой, а по правилам второй надо было прицельно бросать выплавленную дома тяжелую свинцовую шайбу, стараясь попасть

на асфальт таким образом, чтобы до искомой монеты можно было дотянуться максимально растопыренными пальцами руки. Тут, кроме глазомера, нужно было обладать известной гибкостью ладони, позволявшей покрыть максимальное расстояние между битой и лежащими на земле монетами. В случае неудачи эта история могла обернуться немалыми финансовыми потерями.

Сама по себе учеба в школе номер восемнадцать, до которой каждое утро надо было идти мимо кинотеатра «Молния» с меняющимися афишами над входом, особого удовольствия не доставляла. И сейчас, пытаясь мысленно вернуться в прошлое, вспоминаешь лишь то, что было связано с самим процессом учебы косвенно. Например, прямо перед школой было расположено большое незастроенное тогда поле, заканчивающееся лентой каменных гаражей, крыши которых были покрыты черным толем. Идти гулять «на гаражи» строго запрещалось, и потому всегда было желанным вариантом – с них можно было, рискуя нарваться на железяку или подвернуть ногу, прыгать в сугробы, прятаться и вообще ощущать себя где-то очень далеко от опостылевших уроков. Однажды, морозной зимой, мама везла меня через это самое поле на санках, а из каких-то подсобных сарайчиков, тоже ютившихся возле гаражей, навстречу выскочила тройка симпатичных поросят. Закутанный в обезьянью шубку и шарф, я начал им громко похрюкивать (каковой способности не лишился и до сих пор) и к моему, и мамину глубочайшему

удивлению был принят за своего. Они пошли за нами до самого конца поля и грустно остановились только у начинающегося перед «Молнией» асфальта – поклонниками кинематографа они явно не были. Пожалуй, это был первый случай, когда я реально ощутил среди окружающих живых существ по-настоящему понимающие души...

А еще к нам в громадный московский двор время от времени заезжал настоящий старьевщик. Он сидел на телеге, в которую была запряжена худая спокойная лошадь и, дождавшись сбегających дворовых мальчишек, откидывал краешек большой тряпки, прикрывающей собранные за сегодня ценности, и начинал неспешную торговлю. Убей, что бы я вспомнил, что именно он ждал от нас – поношенных домашних вещей, пустых бутылок или что-то еще. – не помню. А вот то, что расплачиваться он был готов множеством крайне полезных вещей, приобрести которые где-то в ином месте было абсолютно нереально, в памяти осталось. Например, в обмен на некие ненужные «ценности» можно было при усилии заработать большой пугач из непонятного материала, имитирующего алюминий, реально громко стрелявший какими-то патрончиками или пистонами. Правда, за него (это запомнилось) того самого, чего он ждал, надо было принести очень много, и потому такая вещь для большинства ребят была почти недостижима.

В нашем дворе жила большая часть нашего класса, включая почти всех достойных внимания девчонок. В противо-

положном подъезде – через двор – обитала Лариса Власова. Спустя уже приличное число лет после школы, было у нас с ней что-то вроде романа. Закончив Инъяз, она работала в Интуристе и несколько раз проводила меня в абсолютно изолированный в те времена для публики отель на улице Горького, сегодня уже снесенный вредителем, многие годы занимавшим пост московского мэра. Тогда это был абсолютно закрытый валютный мир, куда доступ советским людям был практически закрыт; мы сидели с нею в баре на втором этаже, и через большие панорамные стекла была видна и тогда уже круглосуточно бурлящая главная улица столицы. Позднее я затащил ее в правительственный загородный пансионат «Лесные Дали», куда имел изредка доступ, благодаря знакомству с сыном первого замминистра высшего образования Красновым. И мы все-таки оказались в министерской постели на отдельной большой даче для особо ответственных, положенной заму союзного министра – четкая градация существовала и внутри огороженной территории пансионата. Однако идти до конца она все же не решилась, а потому мы, проведя ночь вместе, так и остались вроде как бы просто школьными друзьями. Через дом жила еще одна девочка, достойная внимания. Ее звали Ира, а фамилия была ну очень знаменитой – Косиор. Был такой первый секретарь ЦК компартии Украины, активный инициатор репрессий, в тридцатые годы – член всего, чего было можно, включая Президиум ЦИКа, и сам же впоследствии расстре-

лянный соратниками. В их небольшой квартире на втором этаже такого же дома, как наш, все крутилось вокруг Иркиной баб ушки, его вдовы, отбывшей ссылку в Казахстане, которой теперь, спустя десятилетия, полагались всякие льготы за сгинувшего партийного лидера. Строгая, всегда в наглухо застегнутом платье с воротничком-стойкой она одним своим появлением могла заставить гостей приумолкнуть и более или менее убедительно изображать почтенное внимание. С Ириной у меня тоже что-то, кажется, было – но тоже не слишком удачно. В соответствии с бабушкиным воспитанием она берегла себя для замужества. Мораль – неумно пытаться изменить статус школьных подруг на подруг просто – во всяком случае, если не планируешь на них жениться. Уже работая в АПН, я как-то в экстренной ситуации пригласил ее в командировку в Алма-Ату в качестве переводчицы в киногоруппу. Она тоже заканчивала Инъяз. И имел потом втык за то, что привез свою любовницу, толком не знающую языка. Было бы, конечно, куда менее обидно, если бы не только второе утверждение соответствовало действительности.

На днях, случайно встретив знакомую фамилию в Интернете, я позвонил ей из Германии – спустя по меньшей мере четверть века – и она узнала голос. Живет в том же районе, правда, в другом доме. Преподает немецкий в школе, муж – физик, профессор, двое взрослых детей и уже годовалая внучка – ну просто ужас какой-то: Киса – бабушка.

К школьным временам относится и запомнившаяся пер-

вая попытка отстоять собственную точку зрения. Было это в четвертом классе. Увлечшись астрономией, я к тому времени пересмотрел множество популярных книжек об устройстве всей небесной механики и познании ее человечеством, начал зачитываться фантастикой, связанной с космосом, и ощущал себя абсолютно уверенно в этой области. Поэтому, когда на очередном уроке географии немолодая уже и, как выяснилось, не страдающая излишком образования, наша географичка, рассказывая о строении солнечной системы, вскользь сообщила классу, что солнце – это планета, я уже не смог сдержаться. На перемене я предельно вежливо проинформировал ее, что солнце – это совсем никакая не планета, а звезда. Географичка покраснела.

– Ты, Саша, самый умный, да? – она старалась говорить потише, чтобы не услышали другие. – Тебе чего – что-то непонятно? Я же, кажется, ясно сказала, что солнце – это планета, но самая главная. И твое мнение по данному вопросу мало кого интересует, – она уже начинала закипать. – Ты что, умнее педагога себя считаешь, да?..

Поскольку подтверждение этого логичного предположения могло бы привести к непредсказуемым последствиям, я на всякий случай отошел. А на следующий день, захватив из дома книжку, остановил учительницу в коридоре.

– Вот... – я торжественно развернул солидный иллюстрированный том. – Вот, посмотрите... тут написано: «Солнце тире звезда». Потому что планета светит отраженным све-

том, а звезда всегда своим.

От такой наглости географичка даже прислонилась к стене.

– Убери свою книжку, умник, и больше никогда не смей приносить ее в школу. Будет всегда так, как я сказала. А ты... ты в четверти у меня получишь... – она не договорила, потому что у классной двери уже собирались ребята, с любопытством прислушиваясь к нашей беседе.

Осознание, что даже абсолютно объективная истина в этой жизни вовсе не обязательно является очевидной для всех, произвело на меня тогда сильное впечатление. Правдой, оказывается, автоматически становилось то, что утверждал собеседник, занимающий более высокое положение. Я решил тогда, что, когда вырасту – сам никогда не буду настаивать, что есть только две точки зрения по любому поводу – моя и ошибочная. Теперь, анализируя, удавалось ли мне это, могу честно сказать – не знаю... возможно, нет... Но я действительно старался.

К временам далекого теперь детства относится и история с первой неосуществившейся мечтой. Однажды на излюбленном пятачке перед нашей аптекой я увидел чудо. На меня прямо по тротуару, сверкая включенными фарами, сам по себе двигался небольшой яркий автомобильчик, за рулем которого сидел мой ровесник. Небрежно развалившись, он время от времени распугивал нервно расступающихся прохожих громкими гудками, извлекаемыми из хромированно-

го клаксона на стойке, и, очевидно, где-то внизу двигал велосипедными педалями, заставляя машину катиться сравнительно ровно. За автомобилем шла небольшая толпа ребят и взрослых, возглавляемая гордой мамой мальчика. Ничего подобного ни я, сын уже тогда известного в стране кинорежиссера, никто другой из нашего двора никогда еще не видел. До выпуска автозаводом АЗЛК танкообразного детского педального автомобилчика «Москвич», мало чем отличающегося от основной продукции автопредприятия, оставались еще годы, и эта штука была явно привезена из-за границы, судя по яркому дизайну, вполне вероятно, аж из самой Америки. С тех пор обладание подобным авто стало на ближайшие несколько лет основной целью моего существования. Я представлял, как подкатываю к нашему подъезду, куда там отцу на его «Победе» или студийном «Бьюике» с откидными палочками-поворотниками, – и гордо останавливаюсь в нескольких сантиметрах от крыльца, давя на громкий гудок и вызывая завистливые вздохи всего дворового сообщества. И сегодня еще, науправлявшись уже на дорогах множества стран всем, что двигается, от грузовиков до мерседесов различных моделей, я бы, наверное, с удовольствием променял бы любой из них на то сверкающее чудо из детства. Поставил бы в кабинете на полу перед стенкой с книжками и время от времени просто осторожно касался бы отполированного бока. Не случилось – как и многое другое.

В то время государство не любило переписываться со сво-

ими гражданами, и если какая-то официальная бумага вдруг обнаруживалась в почтовом ящике – значит, дело было достаточно серьезным. Именно так прореагировала наша семья, когда однажды отцу принесли стандартную повестку из военкомата с предписанием немедленно явиться туда, имея с собою ложку, кружку, смену белья и что-то еще столь же угрожающее. Он работал над очередной картиной – это была, кажется, «Княжна Мери», а может быть, уже и «Екатерина Воронина», да и возраст его был уже далек от призывного, так что мы переполошились ужасно. Отец уехал рано утром и не звонил в течение всего дня. Мы с мамой не находили себе места, слоняясь по квартире и строя ужасные планы сиротливой жизни без главы семьи. Наконец, когда рабочие часы всех учреждений уже истекли, мы не выдержали и спустились вниз, во двор. Казалось, на улице время пойдет быстрее. И тут наконец подъехала наша «Победа», и из машины вышел улыбающийся Исидор Маркович. Оказалось, вызывали его только для того, чтобы объявить о снятии с воинского учета по возрасту, а задержка была связана с тем, что военные не захотели отпустить известного режиссера без подробного рассказа о его кинофильмах. Ощущение страха однажды остаться вдруг без любимого человека врезалось тогда в детскую память надолго. Может быть, поэтому я впоследствии так тяжело переживал развод родителей и старался, как мог, восстановить то, что восстановить, очевидно, было невозможно.

Пришел день, когда я, упершись, заявил дома совершенно официально, что в школу я больше не ходок – терпеть все эту дребедень сил больше не было. Мне было, например, плевать на все тангенсы вместе с котангенсами – даже сегодня эти непонятные слова вызывают рвотный инстинкт, а, чтобы пол учить хотя бы тройку по алгебре или тригонометрии, надо было как минимум уметь отличить один от другого. Это оказалось выше моих сил – или, вернее, столько этих самых сил мне было обидно тратить на то, что, как было абсолютно ясно, в жизни мне никогда не пригодится. Однако тихая ненависть к советской школе вовсе не означала, что я не хотел учиться дальше – будущее было для меня очевидным – я хочу стать кинорежиссером как отец. А без ВГИКа это было невозможно.

Надо было что-то делать, и после скандалов и уговоров родилось логичное решение – устроить меня на работу. Таким образом, решались сразу две важные задачи – я оказывался и при деле, и начинал зарабатывать крайне важный в то время двухлетний производственный стаж, дающий основание для поступления в вуз по льготным по сравнению с выпускниками школ спискам. А получить аттестат о среднем образовании можно было параллельно работе в популярной тогда так называемой вечерней школе рабочей молодежи.

Однако оказалось, что существует проблема, препятствующая реализации этого замечательным планам, и проблема весьма серьезная. Ждать я не желал, а по существующему

в СССР законодательству дети не могли официально работать на производстве до достижения ими хотя бы пятнадцати лет. Как и всегда помог отец. Он позвонил знакомому заместителю гендиректора «Мосфильма» Осману Хасановичу Караеву, и уже совсем скоро состоялось специальное решение фабричного комитета (фабкома) о моем зачислении на киностудию в качестве ученика радиомонтажера. Таким образом, я оказался, наверное, одним из очень немногих молодых людей в Москве, официальный рабочий стаж которых начался в советское время еще в четырнадцать лет, чем впоследствии всегда гордился.

Попав в «большое кино» – большое в буквальном смысле – Мосфильм уже тогда был одной из крупнейших киностудий на континенте – я с любопытством изучал бесчисленные коридоры и закоулки студии, заглядывал в гигантские павильоны, где шли съемки и находились производственные цеха. Причем делал это с куда большим энтузиазмом, чем те задания, которые мне поручали. А они сводились к пайке оторвавшихся проводков в радиосхемах, что наскучило мне довольно быстро. Запах канифоли раздражал глаза, а однообразность процесса мало чем отличалась от надоевших школьных занятий. Оценив мой угасающий энтузиазм к такой работе, руководство звукоцеха, куда я был официально направлен, перевело меня на другой участок – в шумовой кабинет тонстудии. Именно там и прошли мои два с половиной года работы на Мосфильме.

Сама эта работа была уникальна, о чем я впоследствии не преминул тиснуть статейку в популярную тогда в стране газетку «Советское Кино». Называлась она «Хозяева шума». Принявшие меня две дамы – толстененькая веселая, похожая на колобок Аллочка Мейчик и длинная сухая Ирина Кислова, перенесшая всю нерастраченную нежность незамужней девы на появившегося поблизости подростка, учили меня шумовому озвучению картин. Вся создаваемая на студии продукция непременно проходила через наш «шумовой кабинет». Морской прибой, возникающий при наклоне длинного ящика с сухим горохом, и скрип калитки, рождающийся от проворота с нажимом деревяшки в деревянной же колоде, смачная пощечина, возникающая на экране от шмяканья кочана капусты о булыжник, и цоканье копыт – подкова о камень – по брусчатке. Все это синхронно под изображение делали мы, глядя на идущий на кольце ролик с очередным эпизодом. Главным было, чтобы в момент записи в изолированном ателье не возникли посторонние шумы – к примеру, не заурчало в животе плохо позавтракавшего шумовика. Коллекция шумотеки студии была тогда крайне скромной, и сегодня, спустя много десятилетий, при просмотре старого фильма вдруг внезапно вспоминаешь, что это звяканье кандалов героя было, кажется, сделано мною куском металлической цепи, а скрип качающегося на ветру старого фонаря родился от подрагивания на весу пустого ведра. Все новые картины, правда, по кусочкам и, как правило, без реплик ак-

теров, мы смотрели первыми, еще на стадии монтажа, и могли оценить, что ждет зрителей через три – четыре месяца после завершения работы. Словом, деятельность оказалась действительно творческой и очень интересной. Незаметно пробежал год, начался второй.

Параллельно я пошел учиться, как и собирался, в вечернюю школу – она находилась прямо напротив студии. Окна классов выходили на громадный участок правительственных дач за высоким каменным забором, существующий и сегодня, и прозванный народом поселком «Ленинские заветы». Летом, минимум два или три раза в неделю, было хорошо слышно, как там кто-то после очередного хрущевского приема громко командовал через динамики: «Машину военного атташе Норвегии – к подъезду!» Или «Машину посла Японии – к подъезду!». Что-то похожее по тональности промелькнуло потом в эпизоде «Июльского дождя» у Хуциева. Через год я получил свидетельство об окончании девяти классов – главным образом благодаря классной руководительнице Ате Андреевне, преподавательнице ненавидимой мною математики, сразу сообразившей, что ее наука не является предметом, которому предстояло определить мою судьбу, и очень спокойно, без обид, это обстоятельство воспринявшей. Я ей был бесконечно благодарен за это понимание. Однако для поступления в институт нужен был аттестат о среднем образовании – а это означало еще год зубрежки. Выход нашелся – к тому времени в Москве появи-

лись платные девятимесячные курсы по подготовке к экзаменам на аттестат экстерном. После их окончания группы обучавшихся прикрепляли к какой-нибудь средней школе, где местные преподаватели после экзаменов и выставляли оценки. Поскольку по определению считалось, что за девять месяцев нельзя полноценно освоить программу, было указание – оценок выше тройки не по одному предмету курсистам не ставить. Большинству окончивших курсы – людям, в основном, уже куда старше меня, в силу разных причин не получившим в свое время среднего образования, – нужен был лишь сам аттестат – независимо от указанных там оценок. Мне же по молодости показалось обидным, что законная тройка по математике будет соседствовать с такой же тройкой по литературе и русскому, о чем я и не преминул сообщить удивленным моей наглостью преподавателям. Сообразив, что я таким образом обозлив педагогов, могу испортить жизнь остальным курсистам, мне несколько работяг из группы быстренько пообещали устроить темную – сразу после экзаменов, прямо в школьном дворе. Аргумент показался мне достаточно убедительным, я плюнул на всю глубокую несправедливость бытия в лице недостойной оценки по любимому предмету и на всякий случай ретировался после экзаменов пораньше и черным ходом. Как потом мне рассказали лояльные соученики, с моей стороны это было сделано весьма мудро и уже тогда свидетельствовало о явном наличии глубоких аналитических способностей. Другими сло-

вами, когда вербально обещают набить морду, есть смысл в это поверить, не дожидаясь более весомых доказательств. Так что в валяющемся где-то аттестате об окончании средней школы у меня стоят исключительно тройки, правда, компенсированные крупной надписью – «экстерном».

Конец шестидесятых, Украина

...Наверное, у меня все будет вполне прилично. Нет, не здесь – хотя и это не хотелось бы исключать. А ТАМ. Потому что я однажды сделал Доброе Дело. Возможно, конечно, и не однажды. Даже вполне вероятно. Нет, даже почти наверняка. Просто все остальное прошло мимо моего внимания, не отложилось в памяти – да и, слава Богу. А вот тот случай, когда мне, совсем еще мальчишке, удалось реально помочь человеку, помнится до сих пор, хотя с тех пор прошло уже ни много ни мало – больше сорока лет.

Все мы жили тогда в довольно странном государстве, лидеры которого на полном серьезе были убеждены в том, что достаточно повелеть однажды верить в единые ценности туркмену и эстонцу, и символом страны сразу станет знаменитый фонтан «Дружбы народов» на ВДНХ. Сама мысль о том, что при первом же ослаблении железного обруча власти, стягивающего в единую страну, как давно пересохшую бочку, целые народы, тара эта развалится на отдельные, не слишком притертые друг к другу дощечки, и прольется из нее вовсе не вино, а нечто совсем иное, выглядела невероятной. Были у такой организации народного бытия и вполне очевидные преимущества – повсюду существовала по своему логичная и жесткая вертикаль власти. Нынешний «национальный лидер», пытаясь выстроить что-то похожее, не

понимает, что при существующих теперь пусть лишь зачатках демократии и приобретенных уже первичных навыках самостоятельного мышления, основываться лишь на страхе перед начальством невозможно. К целесообразности своей реальной ответственности – но вовсе не от вышестоящих, а от окружающих – люди должны придти сами через нормальное гражданское общество. Тогда же существовавшая система была удобна потому, что действовала по единым примитивным правилам, изучив которые в одном месте, можно было смело рассчитывать на успех в любом другом. Скажем, любое публичное выступление центральной газеты по тому или иному поводу неизбежно приводило к незамедлительной попытке властей так или иначе вмешаться в описанную ситуацию, наказать виновных, а маленькая заметка в самой «Правде» была уже судебным приговором последней инстанции, который просто подлежал незамедлительному исполнению.

Я начал писать – главным образом о кино; репортажи и заметки стали появляться в московской «Вечерке», в популярной газетке «Советское кино» и даже в самом органе Министерства культуры СССР – «Советской культуре».

За ударный труд на ниве советской публицистики был – после настоятельных напоминаний – вознагражден стараниями первого моего в жизни редактора Паши Аркадьева и зав. отделом Владимира Николаевича Шалуновского удостоверением внештатного корреспондента «Советской культу-

ры»»; мне тогда едва исполнилось восемнадцать лет. И вот, как однажды выяснилось, эта коричневая книжечка оказалась способной на серьезное дело.

В 68-ом, после долгих проверок подробнейшей анкеты, меня приняли ассистентом кинорежиссера, естественно, третьей категории (то есть – совсем за гроши) – на киностудию Минобороны, снимающую технические и учебные фильмы, большей частью закрытые. Я получил четвертую степень допуска к секретности, практически первоначальную, и мы поехали вместе с начинающим режиссером Проценко на место съемки в Полтаву, в артиллерийское училище, создавать учебное кино про систему наведения какой-то очень засекреченной «шилки» – самоходной зенитной установки. Лента носила захватывающее название, к сожалению, не сохранившееся в моей памяти, но звучащее приблизительно так: «Наведение и стрельбы из пушки ЗСУ-23-4» или, во всяком случае, что-то весьма близкое к этому, а литературным сценарием почти без поправок служила соответствующая инструкция, разумеется, тоже страшно секретная.

В один из унылых ноябрьских дней я забрел на главный городской почтамт – кажется, хотел купить открытки в Москву. За заляпанными чернилами деревянными прилавочками люди выводили тексты телеграмм и писем. Мне показалось, что сзади как будто кто-то тихо всхлипывает. Я оглянулся. Худой старик без шапки в застегнутом не на те пуговицы поношенном пальто несколько раз, шурясь, при-

мерялся к графе в открытке, но так и не мог начать.

– Не вижу... ну совсем, слушайте, я уже не вижу... – он поднял слезящиеся глаза и замолчал. Я вызвался ему помочь.

– Таки правда? Ой, спасибо вам. – он закивал головой: – это сыну... Яшеньке... Меня не пускают, а это она ему отдаст. обязательно... может быть... – говорил он тихо, почти глотая слова. – Вы вот тут... только адрес... Это, где я живу... жил...

Руки у него слегка тряслись, и он вытер глаза рукавом своего пальто.

Еще через полчаса я с трудом уговорил его рассказать потрясшую меня историю короля Лира, выгнанного собственным сыном и невесткой из полученной когда-то им комнаты на улицу.

– И где же вы теперь спите? – спросил я. – Сейчас же уже холодно.

– О, тут все хорошо... вы не подумайте... все очень хорошо. Меня пока пускает в коридор одна славная женщина из нашей гемайды... да... Вы, наверное, не знаете, но евреи всегда помогут евреям... Главное, надо приходить не рано, чтобы не очень мешать.

Мне стало не по себе. Я представил, как мы сейчас выходим из теплого почтамта; я иду к себе в гостиницу, а он, опустив поздравительную открытку для сына в почтовый ящик при входе, остается на слякотной улице. Уточнив еще что-

то, я сказал, чтобы он ждал меня, и пошел просить у сотрудницы почты лист чистой бумаги.

– Вот, – вернувшись, я положил его перед стариком. – пишите...

– Слушайте, что я должен писать, зачем? – заволновался он. – Не надо ничего писать. У Яшеньки могут быть неприятности... вы знаете, он ведь коммунист... и у них там очень теперь строго.

– Пишите, – настаивал я. – Я подскажу. Вернувшись в гостиницу, я раздобыл телефон председателя горисполкома и, набрав номер, сказал помощнику, что я – спецкор всесоюзной газеты «Советская Культура» из Москвы, находящийся в области с проверкой театров, хотел бы незамедлительно повидаться с председателем. Времени мало, поэтому мне будет удобно сделать это еще сегодня. Через три минуты мне перезвонила секретарша и сказала, что председатель меня очень ждет. Кто бы сомневался.

Если откровенно, то при всем моем безапелляционном напоре столичного журналиста на этого грузного украинского дядьку при галстукe, я рассчитывал максимум на то, что моему старику-ветерану, опасаясь громкой газетной заметки типа «Полтавский король Лир», найдут хоть какую-то койку на время, может быть, как-то немного помогут на первых порах прокормиться. Но, похоже, я недооценил тогдашнюю силу печатного слова.

Наша киногруппа уехала дня через три, а спустя еще неде-

лю на оставленный мною домашний адрес пришла открытка из Полтавы с неразборчивым текстом, с трудом выведенным дрожащей рукой. Они дали ему отдельную комнату, прописали там, переоформили на новый адрес пенсию и купили еще из каких-то фондов немного мебели. Он писал, что невероятно счастлив, благодарил меня трогательными словами, которые я не слышал ни до, ни после и твердо обещал, что Бог мне впоследствии всенепременно отплатит... ну и так далее. Это было написано так просто, уверенно и искренне, что создавалось впечатление, что автору и в самом деле удалось согласовать свои обещания с их будущим Исполнителем.

Потом в течение еще лет пяти с завидной регулярностью к каждому государственному празднику мне приходили скромные открытки из Полтавы с чудесными словами, и я всегда отвечал. А потом открытки к праздникам приходиться перестали. Самое страшное, что я сейчас не могу вспомнить его имени.

Семидесятые, Москва, район ВДНХ и другие

Когда я стал его студентом, Всесоюзный государственный институт кинематографии еще не имел, как сегодня, свой престижный титул Университета. Для сохранения уважения к старейшей в мире Государственной киношколе, существующей с 1919 года, во всем кинематографическом мире как-то вполне хватало фамилий ее отцов-основателей – Кулешова, Эйзенштейна и выпускников – Тарковского, Хуциева, Иоселиани и многих других. Только пару лет назад, когда пришла идея всегда скромное финансовое состояние учебного заведения (как, впрочем, и большинства учреждений культуры, довольствующихся крохами от миллиардов, идущих на не взлетающие ракеты и тонущие подлодки), – улучшить формальным переименованием в Университет, задумались. С упразднением слова «институт» – автоматически ликвидировался и знаменитый бренд – ВГИК. Вместо него получался никому не известный неудобопроизносимый ВГУК.

Со слоновьим изяществом светлые администраторские головы вуза нашли оригинальный выход из положения – в полном соответствии с народной мудростью о необходимости сохранить овечек и в то же время накормить голодных

волков, решили последним просто отдать пастуха и собаку: и прежнюю аббревиатуру сохранить и новый статус с соответствующими зарплатами и ректорским «мерсом» приобрести. Отсутствие логики никогда не становилось препятствием для чиновников в нашей стране. Теперь – кажется, впервые в России – полное название государственного учреждения не совпадает с его аббревиатурой – зато ВГИК и при своем новом статусе Всероссийского государственного университета кинематографии, к счастью, не стал ВГУКом.

Другое дело, что при попытке хотя бы некоторую часть добытых вместе с новым титулом очень немалых средств использовать по назначению – на строительство нового учебного здания – старое, просуществовавшее не один десяток лет, почему-то тут же просело и дало опасную трещину. даже пришлось семестр заканчивать раньше, чем полагалось – не дай бог стукнет сверху кого-то из ректората, где потом новые светлые головы искать. Сейчас в подвесном застекленном переходе, ведущем из основного здания в учебную киностудию, табличка рекомендует не находиться больше, чем пяти, идущим одновременно.

Ну это, как любят теперь заканчивать передачи на ТВ, «совсем другая история...», а зубоскальство над родной «Альма-матер» простится, хочется верить, оптимисту из семьи, уже третье поколение которой скоро получит тут диплом. Теперь вот – уже университетский.

А тогда нас оказалось тринадцать. Собственно, творче-

ский конкурс в те времена был немного выше, чем в наши дни – если считать с момента отправки работ на предварительный отбор, получалось человек семьсот на одно место на сценарном факультете.

Тринадцать... Жесткий мир кино за последующие десятилетия осуществит на моих глазах не слишком справедливую селекцию среди тех, кто пришел тогда в нашу киномастерскую с надеждой мир этот перевернуть. В искусстве, как бы ни банально звучала эта давно доказанная истина, будущее художника определяют далеко не всегда подаренные природой и развитые трудом способности. В таком же деле, как кинематограф, где в большинстве профессий просто невозможно реализоваться в одиночку, а лишь в кругу единомышленников, на постоянный поиск которых, по существу, и уходит жизнь – это правило, пожалуй, особенно наглядно и очевидно. Такая вот беда...

В размещенной сегодня в Википедии статье о нашем Мастере – Иосифе Михайловиче Маневиче, есть фото нашего, последнего его курса, сделанное перед самым выпуском. Там оказались не все, только девять студентов плюс, конечно, сам наш «Жозя», как между собой именовали Маневича в кругу московских кинематографистов, и его постоянный «Фурманов» – приставленный к беспартийному еврею-профессионалу партийный помощник – «комиссар» по фамилии Диков. На фото не хватает троих из нашего курса.

Один из них – Хасанчик, кучерявый араб из Сирии, при-

ехал в Москву за автомобилем. В те годы Советский Союз с легкостью принимал на обучение студентов из так называемых дружественных стран третьего мира, с энтузиазмом тратя на это деньги собственных налогоплательщиков. Руководители первого на планете социалистического государства были уверены, что вместе со знаниями по профессии за годы обучения гостям с легкостью удастся вдолбить и светлые коммунистические идеалы. Уж очень хотелось иметь свои «пятые колонны» на всех континентах. Для этого даже строились специальные ВУЗы вроде переехавшего потом на Ленинский проспект, неподалеку от моего дома, Университета Дружбы народов; финансировалось проживание и обучение десятков тысяч молодых людей из Африки, Азии и Америки, в отличие от настоящей, именуемой Латинской. Естественно, что жилось приезжим на порядок лучше, чем советским студентам – ведь вопрос с идеологией последних считался уже решенным, и лишние траты были тут ни к чему. Разумеется, ребята из цивилизованных государств, привлеченные тогдашним серьезным уровнем преподавания в шести – семи советских вузах и сами пожелавшие учиться в Союзе, могли это сделать исключительно за собственный счет.

Спустя годы, многие из выпускников советских вузов, получившие образование бесплатно, возвращаясь, очень быстро забывали сделанную им прививку социализма и прагматично устраивали собственное счастье по рецептам радостно проклиняемого в течение пяти лет капитализма.

Можно было только удивляться решимости нашего Хасана Юсефа, приехавшего в страну учиться специфической профессии, являющейся производной от языка, которым он почти не владел. Впрочем, с трудом и всегда с большим опозданием зачитывая свои наивные литературные опыты, кое-как переведенные на ломаный русский кем-то из его соотечественников, он не обижался на тройки по мастерству, ниже которых ему ставить просто не полагалось. Во всяком случае, будущее свое, как ему казалось, уже тогда он оценивал вполне адекватно, охотно делясь на паузах с нами своими творческими планами.

— Друг, я приеду, я первый профессиональный сценарист в стране буду, понимаешь? Один совсем такой, с дипломом. Хочу сразу «Мерседес» купить, какую-нибудь фильму только напишу — сразу куплю... только решить какой надо...

Получая с первого курса стипендию рублей под девяносто, по сравнению с двадцатью восемью, которые выплачивались нашим, — он чувствовал себя в Москве вполне комфортно, жил какой-то своей жизнью, успешно перепродавая что-то из привозимых вещей и появляясь на малопонятных ему лекциях лишь в самых крайних случаях.

Я не знаю, что случилось с ним потом, в круговерти событий на Ближнем Востоке последних десятилетий, осуществил ли он по возвращении свою заветную мечту. Думаю, да, если Аллах сохранил его. Правда, есть одно небольшое «но» — кинематографа, как такового, в Сирии тогда не было. Нет, ка-

жется, и до сих пор. Хотя думается, вряд ли столь несущественное обстоятельство могло стать для нашего Хасанчика препятствием.

Нет на этом фото и Гали, изможденной девушки, которой ценой немалых усилий все же удалось к выпуску или, кажется, сразу после него, убедить зарегистрировать с ней брак сокурсника Владимира Лобанова, что, пожалуй, и стало для нее главным итогом пребывания в институте. Нет и самого Володи.

Много десятилетий спустя, совсем уже недавно, в период моей работы в телекомпании «Останкино», в мой маленький кабинетик на третьем этаже Телецентра пришла наша же киногруппа, работающая над популярным циклом об ушедших людях искусства для Первого канала. Часа полтора, пересаженный из кресла за столом на стул на фоне светлой стены, я добросовестно вспоминал еще одного своего сокурсника, волею судеб ставшего, безусловно, наиболее известным из всей нашей мастерской и успевшем до своего раннего ухода из жизни получить вместе с всесоюзной популярностью еще и несколько государственных премий. Я старался говорить честно о том, что запомнил за годы нашего общения, подчеркивая, что по ряду причин не относился к его самым близким друзьям на курсе; впрочем, и в ином случае не стал бы рассказывать больше, чем следует. Мне всегда казалось, что нет ничего хуже посмертных сплетен об известных людях, даже основанных на абсолютно достоверных фактах. Каж-

дый имеет право на выбор своего пути и, если это не слишком ущемляет других, судить его позволительно только по результатам.

– Ну, вы можете, по крайней мере, сказать на камеру, что это была фигура, во многом равная Шукшину? – попросила редакторша, похоже, заранее уверенная в моем ответе. Логика была несложной, подтвердив исключительность личности, с которой запросто общался, я как бы ненавязчиво обращал внимание будущих зрителей и на собственную значимость. Не оправдал я ее ожиданий, лишь рассмеялся.

– Ну, что вы. это абсолютно разновеликие фигуры... Хотя один подобный человек, кстати, действительно был у нас на курсе, – попытался я объяснить, – настоящий талант, что называется, от земли, только звали его совсем по-другому – Володя Лобанов. Вот он, по-моему, и был у нас самым способным, только судьба сложилась у него иначе, чем у Валеры.

– Лобанов?.. – протянула редакторша, давая знак оператору выключить камеру. – Нет, не знаю... Впрочем, в любом случае, вы же понимаете, это не совсем по теме нашего кино...

Я понимал.

Наша мастерская уже ко второму году сама по себе несколько расплзлась на группки, цементируемые, пожалуй, двумя обстоятельствами – сходным предыдущим «доинститутским» житейским опытом и местом нынешнего проживания. Конечно, это было абсолютно условное деле-

ние, во многом объясняющееся просто временем, проводимым вместе – либо в институтском общежитии, либо по дороге через город домой. То, что в маленьком творческом коллектив амбициозных молодых людей, каждый из которых искренне был в глубине души уверен в своих особых способностях, гарантирующих ему в будущем профессиональную востребованность, отношения и не могли оставаться простыми, сейчас-то кажется очевидным – иначе и быть не могло. Ведь процесс занятий по мастерству, помимо многого другого, строился как последовательное выполнение разнообразных творческих заданий – от немых этюдов до полноценных сценариев, – и их последующего еженедельного подробного обсуждения, критики на курсе. Конечно, каждому, прежде всего, была важна оценка мастера, всегда подводящего итог общему разговору, но не менее ревниво все относились и к замечаниями, высказанным сокурсниками. Не все из нас, конечно, были готовы сдерживать рвущиеся наружу эмоции. И часто просто не слишком вежливые слова, сказанные о дорогой тебе работе, могли надолго развести тех, кто только что входил в аудиторию друзьями.

Между прочим, это касалось в известной же степени и отношений с педагогами, кроме самого Мастера, которому прощалось практически все. Прямые идеологические наскоки недалекого комиссара мы быстро научились попускать мимо ушей – смешно было бы обижаться на обиженных коммунистическим Богом, но когда абсолютно безапелляцион-

ные суждения позволила себе явно неглупая аспирантка по фамилии Михальченко, то жестоко поплатилась.

– Я считаю ваше творчество бесперспективным, – резанула она как-то прямо в глаза на одном из обсуждений нашему Теду – Давиду Макарову, бывшему штурману из Одессы.

– Да меня мало колышет ваше мнение. – сказал Тед, не поднимаясь со своего места, и демонстративно начал что-то обсуждать с соседом.

Дама эта, несмотря на то, что пригласил ее сам Маневич (она, кажется, должна была у него защищаться), быстро стала пугалом в наших глазах, получила кличку героини как раз показанного на очередном просмотре фильма Хичхока – Ребекка и подверглась настолько явному презрению всего курса, что Иосифу Михайловичу, видимо, пришлось посоветовать ей больше слушать, чем говорить, а еще лучше – пореже появляться на наших занятиях. По-моему, кстати, она подвизается в институте до сих пор, пишет разработки о том, как стать сценаристом...

Володька Лобанов, житель дальней российской глубинки, с моей точки зрения, так же как Василий Макарович Шукшин, был рожден большим писателем. Бывает, что человек, выросший в далекой от искусства среде, неожиданно осознает собственное предназначение, чем глубоко поражает окружающих. С затруднениями формулирующий мысль на родном языке при наших коридорных спорах, всегда старающийся не стать объектом излишнего внимания, он, судя по

зачитываемым ровным голосом работам, преображался, когда подходил к письменному столу. Писал просто и удивительно образно, лепил характеры героев, как Шукшин, казалось бы, всего лишь фиксируя отложившиеся в памяти наблюдения. Без намека на эмоции, он удивительно спокойно всегда относился к любым нашим резким суждениями, словно понимая, что не нам по большому счету судить им написанное. Одновременно открытый и замкнутый, он, конечно, тоже жил в общежитии, жил бедно, и видимо, ему не всегда хватало силы воли, чтобы противостоять традиционным предложениям обитающих там же сокурсников. У меня, влюбленного в Шукшина, всегда возникало ощущение, что у нас на курсе он самый талантливый, и ему предстоит занять серьезное место, правда, скорее, в прозе, чем в кино. Судьба рассудила иначе.

Он действительно впоследствии напишет несколько хороших сценариев, после первого из которых его на очередной волне «заботы партии о кинематографической молодежи», вопреки существующим порядкам, по единственному фильму даже примут в Союз Кинематографистов. Кстати, пробил и поставил его сценарий о «реальной жизни» «Семейная мелодрама» режиссер Фрумин, очень скоро уехавший из страны. Володе в голову такая идея, разумеется, не приходила. Было еще несколько добротных картин, здорово растянувшихся по времен и, но не одна из них на самом деле не стала даже приближением к открытию. Трудно сказать почему;

проза его существовала сама по себе, мало управляя изображением. Ему не везло и в личной жизни. Сегодня о нем как о литераторе, увы, почти никто не помнит.

Словно контрастом его судьбе стала прожитая в кинематографе яркая жизнь другого моего сокурсника – Валеры Приемыхова, о котором и снимали упомянутый мной фильм. Приехав в Москву с Дальнего Востока, он оказался одним из самых возрастных студентов на курсе. Всегда держался по отношению к нам, москвичам, несколько отстраненно, стараясь никак не выказать какое-то затаенное неприятие к тем, кому в настоящее время жилось чуть комфортнее. О себе говорить не любил, и многие из нас лишь к концу учебы узнали, что у него, оказывается, уже есть одно высшее образование – он дипломированный актер, закончивший Дальневосточный институт искусств и уже успевший поработать на сцене профессионального театра на периферии. Кстати, это обстоятельство он по каким-то своим соображениям долго не афишировал и после окончания ВГИКа. Сказать, что его работы за годы обучения как-то резко выделялись среди других, было бы неправдой – так, во всяком случае, с моей точки зрения – достаточно проходные вещи, никак не свидетельствующие об особом литературном даре. Да его, возможно, и не было. Было вызывающее уважение трудолюбие и потом – везение. Наверное, за свою непростую предшествующую жизнь, он заслужил это. Кстати, Маневич, помнится, относился к Валере с уважением – может быть,

потому, что тот был опытнее по жизни многих из нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.